

ЕГО ЗВАЛИ ПАУЛЬ

(Заметки переводчика)

Да, именно Пауль! Некоторые читатели, привыкшие к «Полу Атридесу», возможно, возмутятся. Но чего возмущаться-то? Действие романа происходит в далеком будущем. Язык, на котором объясняются персонажи, — явно не английский, он называется «галакт» и имеет «ангლოსлавянское происхождение», при этом половина и даже больше терминов взяты из арабского, фарси и других языков. Имена в ходу — самого разного происхождения: тут и «славянин» Владимир Харконнен (имеется в виду только происхождение имени), и «тюрок» (или «араб»?) Император Шаддам, и «англичанка» Джессика... Имя сына герцога Лето) а не Лито — от латинского «letum» — «смерть», «погибель») пишется «Paul» и по-английски должно бы читаться, конечно, «Пол». Но, как сказано выше, дело происходит в далеком будущем и язык у них НЕ английский; а то же имя французы произнесут как «Поль», немцы — как «Пауль», и т.д. «Пол» — слишком отчетливая «1/2», в то время как холодноватое «Пауль» — имя куда как подходящее для этого персонажа! И всё, возражения не принимаются.

Да, еще кому-то, может быть, трудно расстаться с Оранжево-Католической Библией. Тут вот какая вышла история: «католический» — это в буквальном перевод, «вселенский, всеобъемлющий». Оранжевисты из Ирландии вряд ли имеют отношение к книге, над которой работали представители таких учений, как «буддизм» или «дзэнсуннизм». Возможно, конечно, имелся в виду просто цвет обложки первого издания (типа «Белой» или «Красной» книг). Но я склонен предположить, что даже если так, речь шла не просто об

оранжевом, а о шафранном цвете — цвете буддийских одежаний. Короче, я использовал прекрасное слово «экуменический», которое значит «вселенский» (например, о «соборе»). И экуменический перевод Библии уже когда-то был — это когда решено было сверить имевшиеся священные книги и привести их к единому знаменателю, результатом чего стала так называемая Септуагинта.

Еще один момент, к которому читатели, знакомые с предыдущими переводами «Дюны», могли привыкнуть — нелепые строки «древнего похоронного ритуала», которые произносит на оплакивании Джамиса Стилгар: «Има трава около, и коренья около». Сие в переводе должно означать: «Вот пепел, и вот корни». Читатель недоумевает, а дело в том, что автор, желая изобразить «древний язык», пользуется словарем русского языка (который он явно не знает). Нелепое «около» — перевод английского «here is/are...» — что действительно значит «вот». С другой стороны, то же «hege» можно перевести и как «около», и надо полагать, что это округлое, распевное слово чисто фонетически пришлось Герберту по душе. Вероятно, аналогичная история произошла и с «корнями» — увидев в словаре, что «roots» можно перевести как «корни» и «коренья», автор выбрал второй вариант как более подходящий по размеру и звучанию, оставшись при этом в неведении относительно разницы между корнями и тем, что кладут в суп — кореньями, всякой петрушкой и сельдереем. «Трава» же — результат явной ошибки, ну а «има» вставлено просто для благозвучия... Чтобы стих не звучал так нелепо, мне и пришлось перевести его на хиндустани — у Герберта, естественно, этого нет.

Вообще, вашему покорному слуге пришлось-таки познакомиться с терминами и названиями. Спасибо коллегам, выпускникам Института стран Азии и Африки, которые помогли отследить «этимологию» придуманных Гербертом терминов (кстати говоря, я настаиваю на том, что он Герберт, а не Хер-берт какой-нибудь. Слава Богу, есть традиция транскрибирования — Герберт Уэллс, мальчик Герберт из «Таинственного острова»...). Особая благодарность Фариду Юнусову, который — почти везде! — сумел догадаться, какие арабские слова использовал автор (а арабизмов там большинство).

Кстати, о терминах. Должен признаться, что мне пришлось чуточку расширить составленный Гербертом глоссарий. Например, слово «асассин» для англоязычного читателя особых пояснений не требует... да и то, историческая справка, как мне кажется, не помешала бы и ему. А «друзы»! Конечно, Герберт мог предполагать, что читатель, встретив незнакомое слово, кинется к словарю. Но куда там, если даже переводчики не всегда считают это необходимым! Так, в одном из переводов «Дюны» Стилгар, указывая Паулю на показавшихся вдали фрименов, сообщает «Вот подлинные друзья!» — тогда как в тексте написано «druses». Да, «друзы» и «друзья» (если порусски) звучит похоже — а разница таки есть, причем существенная. Назвав фрименов «друзами», Стилгар не только указывает, на происхождение их религии, но и как бы предсказывает роль Пауля в обществе жителей пустыни. Но чтобы понять это скрытое указание, следует сперва отыскать «друзов» в приличной энциклопедии... Еще одна проблема состоит в том, что язык Герберта не слишком прост, и порой собственные его объяснения требуют расшифровки. Попытка перевести «наскоком» (как я подозреваю, даже не используя словарь — в гордыне ли, в спешке ли) приводит к совершенно дивным перлам. Первой была знаменитая в кругах любителей фантастики «малиновая Дюна» (фэны прозвали разные переводы «малиновой», «голубой», «синей», «бурой» «Дюнами» — по цвету обложек). В «малиновой» явно был взят так называемый системный «перевод» — это когда фантастика была в загоне, переводчики-любители в меру способностей и знания языка оригинала и родного перетолмачивали зарубежную фантастику, причем часто используя как оригинал польские переводы; потом получившийся текст загонялся на носитель (магнитную ленту для древних ЭВМ) и жаждающие припасть ко кладезю западной НФ распечатывали его на слепых матричных принтерах и передавали из рук в трепещущие руки... Так вот, этот «системный» перевод так и загнали в печать безо всякой редакции. А несколько последующих изданий использовали тот же текст, редактируя его опять-таки в меру способностей. И тут-то уместно произнести «увы»: поскольку способности эти были такими, какими были, отечествен-

ный читатель увидел прекрасного писателя Герберта в виде достаточно нелепом, чуть ли не Юрием Петуховым американского розлива. Чтобы не быть голословным, позволю себе процитировать несколько изящных «ляпов» — для начала из той самой «малиновой Дюны».

«Малиновая Дюна» вообще была гордостью моей лекции, но ее взял для написания ругательной заметки в популярном среди фэнов издании «Фэн Гиль Дон» широко (в этих самых фэнских кругах, а теперь и как писатель) известный А. Свиридов, да так и не отдал: еще бы, не книга, а сплошной анекдот. Так что мне придется сейчас сослаться на его, свиридовские, выписки из этого дивного издания (Ереван, 1990). Итак: «Ночь была жаркой, но груда камней, служивших домом уже двадцати шести поколениям семьи Атридесов, дышала прохладой». Вот она, жизнь герцогская! Им даже не «груда камней» жилищем служит, а отдельные составляющие ее камни. Ну как тут не переехать на Арракис — в песке оно хоть помягче будет... Или: «В глазах морщинистого рта старухи мелькнула усмешка». «Это был выпуклый шар» (а я, грешным делом, не знал, что бывают еще шары плоские или вовсе «впуклые»). «Посмотрю, как ты будешь предлагать цену, когда рука каждого человека поднимется на тебя, чтобы вымолить свою жизнь и жизнь своего сына» (рука поднимается, чтобы вымолить свою жизнь...). «Дрожь пробежала по его багровому шраму». «Повесить ключи здесь была завершающая определенность». «Прыгающая рыба была вырезана из дерева с толстыми коричневыми плавниками» (дерево с плавниками — такая же новость в зоологии, как выпуклый шар — в стереометрии, и даже большая: в конце концов шары действительно все выпуклые, а вот деревья как-то по большей части обходятся без плавников, ног и прочих конечностей). «Отцы наши ели манку в пустыне», — поет Халлек. Правильно: а еще гречку, перловку и овсянку. Это ведь тоже беда — переводчики настолько фатально не знают Библии, что не узнают даже самые расхожие к ней отсылки; что уж говорить о точных цитатах, которых у Герберта пруд пруди (да и вообще англоязычные авторы любят библейские аллюзии). «Интересно, сколько здесь «же»? Как-то тяжеловато! — Девятнадцать по справочнику». (Уж что тяжеловато, так тяжеловато. 19 g — значит, 19 нормальных (земных) сил тяжести, то есть при весе в 60 кг бедняга

рабочий, прибывший на Арракис, вынужден тащить на себе дополнительный груз в 1080 кг!). Или, наконец, описание дистикомба-стилсьюта: «Два следующих слоя включают в себя волокна охлаждения солей. Соль регенерируется. Движения тела, особенно дыхания, и некоторые астматические действия обеспечиваются работой насоса. Вода проходит через тормозное устройство и подводится к зажиму у шеи. Моча и кал подвергаются процессу в бедренных корзинах. («Так и видишь несчастного герцога, — замечает «Фэн Гиль Дон», — с зажимом у шеи, астматически дышащего при помощи насоса и увешанного корзинами с мочой и калом...») Ну и так далее, от страницы к странице — ОТ трех (не менее!) фактических ошибок и ОТ восьми опечаток на страницу. Но это бы полбеды — оставайся все это безобразие в одной книжонке в бумажной анилиново-малиновой обложке на скрепках. Радость коллекционерам нелепиц, и всё. Беда в том, что едва ли не все последующие «Дюны» использовали этот же самый перевод, более или менее отредактированный. Причем, увы, скорее менее, чем более. Обыкновенно, увидав на лотках очередную «Дюну», я открывал сразу первую страницу и, если встречал знакомую фразу про камни, в которых ютились Атрейдесы, далее уже не смотрел. Тот же перевод, к примеру, только чуточку отредактированный, был использован в «голубой Дюне» издательства «Осирис». Правда, «выпуклый шар» стал «круглым шаром», что в общем-то ненамного лучше. (Или подчеркивается, что в отличие от большинства планет, которые по форме есть не шары, но геоиды, Арракис был-таки совсем-совсем круглым?) Тяготение на Арракисе у них не «19 же», а «19 единичек». Ну и по мелочи: возник, например, пистолет со «статистическими зарядами». Это значит — статистическими.

Ляпы переходили из издания в издание как эстафета. Вот «Дюна» в пересказе ИИФ ДИАС ЛТД, 1991 (издано в «Бесконечной фантастической серии» в 1992 году). Опять — с первой страницы: «Нагромождение каменных глыб, именуемое родовым замком...» Ну почему герцог, правитель целой планеты, вынужден прозябать в каких-то глыбах? О главном герое говорится: «Почему-то его сны всегда исполнялись» — тогда как в оригинале «Он всегда помнил свои пророческие сны»; снова путаница с глобусом барона Харко-

ненна: в оригинале четко написано — «Это был рельефный глобус планеты...» Бог знает почему «рельефный» переводится как «голографический», и далее в одной фразе — еще три фактические ошибки. И опять лень заглянуть в нормальный словарь, чтобы уточнить, что «world» — это еще и «планета», да в конце концов, простой здравый смысл должен бы подсказать, что «глобус Мира» — это что-то не то. Засим барон сообщает: «Здесь (на Арракисе) есть и моря, и озера, и даже реки». В то время как мы с вами знаем, что ничего подобного на Арракисе не было. Может быть, у барона глобус неправильный, хоть и сообщается, что делали его лучшие мастера метрополии? Да нет. В оригинальном тексте сказано — «И тебе не найти нигде (на Арракисе) ни морей, ни озер, ни рек». А чуть позже барону приносят письмо герцога Лето, и приближенный барона Питер читает: «Жаль, что искусству канли (вендетты) все еще поклоняются в Империи». А ведь герцог отнюдь не жалеет об этом, он, собственно, и пишет-то барону именно с целью объявления вендетты! И сказано в его письме, что «искусство канли все еще имеет своих почитателей». Чуть позже говорится о том, что удалось «заставить Лето обменять Каладан на Дюну — и безо всяких условий». А в оригинале — «... и без всякой альтернативы». То есть герцогу выбирать не пришлось — какие там условия!

Ну, потом опять дистикомбы-стилсъюты и «астматические действия». Не стоит повторяться — вам ясно уже, что астма здесь ни при чем. А зачем грузчики, затаскивая пожитки герцогской семьи в новое жилище в Арракине, крушат хозяйское добро? ИИФ ДИАС ЛТД описывает процесс так: «звук бьющегося металла сотряс башню... груз прибыл». Металл расколотить сумели, мазурики!..

Художник, оформлявший то издание, нарисовал фрименский крис чем-то вроде двузубой вилки. Он, по всей видимости, ориентировался на утверждение переводчика о том, что «он был как бы с двумя остриями». Я, признаться, не понимаю, как это нож может быть *как бы* с двумя остриями: это вроде палки как бы о двух концах. 1,5 острия было, что ли? В оригинале-то сказано: «он был обоюдоострым, как кинжал». А домоправительница Мэйпс о крисе говорит — «Кто увидит его, должен быть очищен или убит». Наши толмачи почему-то заменяют «убит» на «заклеймен»... И вновь

торчат уши «малиновой Дюны»: Великая Мать обзывается «женским олицетворением спайса» (который, в свою очередь, ниже называется спайсом спайсов — очень понятно, если не знать, что «спайс» — это «пряность!»). Так вот, не «спайса» («spice»), а «спейса» («space») — космоса, значит. Приводят в недоумение «сандснорк» («sandsnorkee!») — если заглянуть в словарь, там и «шноркель» есть. Это трубка такая, через нее, например, субмарины воздух забирают. Фрекен Снорк из «Муми-троля» тут ни при чем, так же как Скуперфильд из «Незнайки» не имеет ничего общего со «скупером», который, в свою очередь, на самом деле «снупер» («sporeg» — от «to spoor» — «совать нос (в чужие дела), вынюхивать»). И вовсе он не «радиоактивный разрушитель» — он ничего не разрушает. Он вынюхивает, обнаруживает яды. А зачем «dump boxes» перевели «свинцовыми ящиками»? Буквально это «роняй-ящик», про свинец там ничего не было. Мне пришлось переводить по смыслу («грузобомба»). Впрочем, «свинцовый ящик» — это еще не так страшно (свинец для названной цели непрактичен, но да бог с ним); в «голубой Дюне» изобретено и вовсе жуткое слово — «думпящик». Его хочется разделять на «дум-пящик» — не знаю, что такое, но больно уж слово забавное...

В разных изданиях редакторы словно старались перешеголять друг друга. В одном из них (прошу прощения, забыл в каком — не могу же я покупать всю... продукцию, появляющуюся на лотках) мне попало такое (цитирую по памяти) определение «дистранса»: «устройство, благодаря которому птицы издают звук, похожий на звук реактивного самолета». Что такое дистранс у Герберта на самом деле, вы узнаете из словаря в этой книге... Мало было книг, которым «повезло» с переводами так же, как «Дюне». Мало было переводов, столь же достойных изобретенной фэнами издательской премии «Одномуд» (присваивается за опечатки и ошибки и называется в честь прославленной опечатки «одномуд-вум», в девичестве «одному-двум»).

Самым приличным был перевод, изданный «Феей» (Москва, 1992) — «синяя Дюна». Нет, без ляпов не обошлось и тут (и по-прежнему основная причина — это лень, либо гордыня, не дающие лишней раз заглянуть в словарь). Но все-таки это лучший из многих перевод — хотя

«лучший из плохих» — это еще не обязательно «хороший». Именно потому, что в этом переводе фактических ошибок гораздо меньше (есть страницы, где фактических ошибок нет вообще!), я хотел бы именно в этом случае провести несколько более обширный «разбор полетов». Начнем со старого знакомого — герцогского замка. На сей раз Атрейдесы живут «в древнем каменном пилоне замка Каладан». Конечно, спасибо, что не в камнях. Но неплохо бы представить себе жизнь в пилоне. Посмотреть в энциклопедии, что такое пилон, и не лучше ли жить вообще в замке (или весь замок, за исключением пилонна, был в забросе?). И вообще, не выглядит ли странным проживание в пилоне? Или, скажем, в контрфорсе. В той же фразе сообщается, что «стало душно», в то время как у автора изменение погоды произошло с точностью до наоборот. Через несколько фраз следует такой пример отсутствия чувства языка (из многих и многих): «в крови властелина должно быть лукавство». А чуть ниже — еще того лучше: «Спи спокойно, лукавый негодник», — так прощается Преподобная Мать с юным Атрейдесом. Так и хочется дописать к этому — «утю-тюсеньки!». Или — «Да будет земля тебе пухом!» На той же странице слово «quasyfief» переводится как «квазифайф». Может, кому-то этот файф и «в кайф», но только не читателю, который в результате и не поймет, что Арракис находился у Дома Харконнен в ленном владении (квазиленном, чтобы быть точным). А чуть ниже следует пример фонетической глухоты: довольно неуклюжее слово «fafreluches» переведено совсем уж ни в какие ворота не лезущим «система кастовых фифрелюхов». Это так повлияло на одного моего знакомого, что он (не будучи большим любителем фантастики) по прочтении эдакой прелести и всю книгу иначе как «фифрелюхой» не называл. Красоты стиля сверкают во фразах типа: «...Джессика вихрем повернулась и, посвистывая юбкой, широким шагом вылетела из комнаты, надежно затворив за собой дверь», «[его] аорта наполнилась кровью» (а до этого была пуста?), «бледно-розовые десны, хищно поблескивающие серебряными зубами при разговоре», и т.п. Кстати, о стилистике я говорю в основном применительно именно к «синей Дюне», ибо в про-

чих вариантах стилистику, за полной безнадежностью перевода в целом, обсуждать вообще бессмысленно. Там погрешности стиля — и есть стиль, и оттого это даже не смешно. В «синей Дюне» стилистические погрешности все-таки выделяются. Вот еще примеры: «Кривой шрам на его лице искривила улыбка» или «Кого Харконненам наиболее целесообразно наметить своей целью?».

А вот ляп просто прелестный: комната Атрейдеса-младшего, а в ней... «Слева у стены высился книжный шкаф. Его можно сдвинуть вбок, при этом открывался клозет с полками по левую сторону». Но «closet» — это на самом деле «шкаф» или «гардероб»! Аналогичная ошибка, кстати, встретилась мне в переводе одной из повестей Сильверберга: там сообщалось, что «из всех клозетов в городе стали вылезать скелеты». Зрелище почище Апокалипсиса — а речь-то шла о «скелетах в шкафу», то есть все неприятные тайны вдруг стали всплывать на поверхность!

Фактическая ошибка: вдова и сын герцога наблюдают бурю в пустыне. «Глянув на остроконечную скалу, он увидел, как внезапный порыв ветра буквально сточил ее бурю вершину». И от этой-то бури героини прячутся в палатке! На самом-то деле ветер мгновенно засыпал скалу песком, превратив ее в пологий холм.

«Дороги на Арракисе нелемки» — английское «ways» означает «образ жизни», «обычай», и фраза переводится как «нелегка жизнь на Арракисе». «Гольгѣба», живущая в «деревнях», вызывает мираж затерявшихся в арракийских песках бревенчатых изб и поля, где сиротливо не сжата полоска одна. К барону Харконнену — заплывшему жиром гиганту — никак не подходит слова «старикашка» (старикашка должен быть маленький, дохленький, скрюченный).

Про Гильдию сказано, что она «insidious», и это переведено как «внутренний паразит: сперва сосет кровь понемногу, пока хозяин не возражает, а потом — ты у нее в кулаке: плати, плати и плати». Между тем это слово значит просто «хитрый», хотя и имеет общий корень с «inside» — «внутри». «Паразит» там не упоминался, вдобавок — как это возможно оказаться в кулаке у внутреннего паразита?! А в другом месте спутаны «pheasants» — «фазаны» и «peasants» — «крестьяне».

«Человек выполз на гребень дюны — ночной мотылек, оцепеневший под утренним солнцем». Оцепеневший мотылек никуда не уползет, да и не цепенел никто у автора — там было «mote», а не «moth», то есть человек выглядел точкой, крошечным пятнышком. Про оцепенение переводчик добавил от себя, чтобы объяснить «мотылька». «Из-под повязки (выше сказано, что это был тюрбан) свисали соломенного цвета пряди волос, торчала редкая бороденка и густые брови». Мысленно нарисуйте торчащую из-под тюрбана бороденку... «Кому-то приятно было думать, что он умрет именно так, от рук собственной планеты». От рук планеты — это сильно. Далее следует «хрупкая коробочка наветренной стороны дюны» — это просто опечатка, имелась в виду «корочка». Ну и нелепая «котловина Пластыря». То есть Гипсовая. А ниже — «зеленые формы жизни. Тут — растение, там — животное, а здесь — человек». Это опять опечатка, имелись в виду земные формы. И вот опечатка — «Культы мертвых» назывался фильм, показанный как-то Паулю матерью. Ошибка наборщика — и появляются «кулы». Но это что, в одном из переводов, кажется, Лавкрафта возникли и вовсе «культи»...

Пола (Пауля) одолевают «думы партизана». Скульптурную группу на станции метро «Белорусская» в Москве видели? Вот такие думы. А Джамис дерется с ним «в исподнем». Такой бедуин в кальсонах с тесемочками... Или как вам понравится следующее: «Когда дед наш солнышко садится, в темноте хромопласт становится прозрачным». Стиль очарователен, не правда ли?... «В нас одинаковые потери», — думает Пауль о Чани (в этом переводе Чени). Это согласование — действительно потеря во всех, для кому дорога красота и правильность из русского языка. А вот чудесное изменение смысла: «Я родила тебе сына, — говорит Чани и добавляет: — И получишь все остальное, как только сможешь». Тут путаница со словом «rest» — переводчик понял его как «остальное», тогда как здесь это «отдых»: «Ты должен отдохнуть теперь, насколько сумеешь» (Паулю предстоит серьезное испытание). О сухом, тощем человеке: «Он был похож на сушеную мумию». Чтоб никто не подумал, что он мог быть похож на моченую мумию...

Бывают и такие прелести, как вопросительные междометие «эх?», «хах?», «хе?» или непонятно какое «учз-х-х?»,

произнесенное Стилгаром, когда Джессика взяла его на болевой прием. Тут искажено и звучание, и смысл.

«Этой ночью, — думает Джессика, — лишь тот, кто устроился на ночлег под землей, имеет право хвастать». А у автора все наоборот: «Имеет ли право хвастать тот, кто сегодня забился на ночь под землю?»

Масса путаницы по мелочам: в оригинале «сидел, поджав ноги» — в переводе «развалившись». В оригинале «поджал губы» — в переводе «надул губы». И так далее. Приводить все ляпы, ошибки, опечатки и нелепости — проще опубликовать для сравнения весь текст книги.

Но все-таки «синяя Дюна» была ближе прочих к оригиналу. Хотя Герберта и засушили — все эмоции, весь накал испарился, и получилось, по-моему, довольно скучно. А в иных местах, пытаясь «оживить» речь, переводчик (редактор?) сделал ее довольно нелепой, просто вследствие слабоватого владения языком родным, доходящего порой едва ли не до алексии. А может быть, я просто слишком ревниво отношусь к собственному переводу.

А вообще, каждое очередное переложение «Дюны» все более укрепляло меня в мысли о необходимости издания человеческого перевода. Я закончил свой перевод еще в 1991 году, в самом начале, но у издательства (которое в то время собиралось «Дюну» издать) все время были разные трудности. А книга сложная, работы редакторам и корректорам много... да и наборщикам тоже. Сознаю, я сдал в редакцию рукопись в самом полном и изначальном смысле этого слова, то есть текст, написанный от руки. Посему пользуюсь случаем извиниться перед сотрудниками редакции за связанные с этим проблемы и поблагодарить их за титанический труд. Зато теперь наконец те, кто не может прочесть Герберта по-английски, прочтет — как мне кажется — примерно ту «Дюну», какую писал автор. А не ту, какую переводил... не знаю кто. Программа-переводчик, наверное? Это мне попала как-то инструкция к популярной компьютерной игрушке «Doom», переведенная такой программой. Так вот там рекомендовалось, в частности: «Когда вы приклеились в мертвый конец, давите космическую преграду», что в оригинале означало: «Когда вы попали в тупик, нажмите клавишу пробела». Словом, старая история про то, как

«голый кондуктор бежит под вагоном» (сиречь «неизолированный проводник проходит под вагонеткой (крана)»). Только в старые времена такие ляпы умели еще делать без помощи компьютеров.

Коль скоро мне досталась возможность высказать наболевшее, скажу вообще о переводах: не верьте! Если вы видите какую-нибудь нелепость в русском тексте, это еще не значит, что она была и у автора. Сколько я встречал дичайших ошибок, причем порой даже в довольно хороших переводах! То в викторианской Англии джентльменов приглашают в публичный дом — а ошибка эта так стара, что ее приводят в пример все, кто пишет об Англии. Речь идет о пабе, то есть пивной (по-английски буквально действительно «public house»). То описывается военный: сидит это офицер в ресторане, а «грудь его туники заляпана фруктовым салатом». И этот неряха преспокойно беседует с сенатором и его супругой. А все потому, что «фруктовым салатом» военные прозвали орденские планки — такие, знаете, пестренькие полосочки, которые носят вместо медалей, чтоб не слишком звенело. А «туника» — это «мундир» или «китель», и прошу вас, читая переводную литературу, помните об этом. Гражданские, особенно в будущем — Бог с ними, может, они и впрямь носят туники, тоги и стóлы. Но военные, полагаю, и в будущем не станут обряжаться в античные хламиды! С военными вообще у переводчиков много хлопот. То они требуют срочно подвезти на позиции амуницию — хотя зачем в разгар боя нужны ремни и портупей, неясно: ведь по-английски «ammunition» — «боеприпасы», а русские слово «амуниция» обозначает все то, что носят военные, кроме непосредственно формы и оружия, а также конскую сбрую, когда речь идет о кавалерии. Или вот: «там лежали стволы, набитые порохом». Если бы переводчик смутился нелепостью фразы и посмотрел бы в словарь, то бочонки с порохом не превратились бы в стволы. А безоткатные пушки не стали бы загадочными безоткатными (и даже в какой-то повести «несжимаемыми») ружьями. Офицер, услышав приказ старшего по званию, не заорал бы «ай-яй-яй, сэр!», а ответил бы «Слушаюсь!» или «Есть!», потому что «Ауе, ауе, sir!» — это именно «Есть!» и есть. И средневековый негодяй не целился бы в положительного героя из непонятно-

го жавелина, и не носил бы вельветовый костюм, — он, разряженный в бархатный камзол, наставил бы в грудь смельчака копьё. Всадник не стал бы натягивать вожжи (впрочем, тут уже не ошибка перевода, а незнание реалий. Как и в случае, когда получившему удар в пах герою кажется, что «его яйца раздулись до масонского кувшина». Не было у масонов никаких особенных кувшинов — речь идет о широкогорлых бутылках популярного калифорнийского вина «Paul Masson», сейчас оно продается и у нас.). При взгляде на симпатяшку-официантку космопроходец не чувствовал бы себя рогоносцем — он ощутил бы себя готовым к атаке на невинность красотки («horny»). «Навстречу мне по дороге ехал перамбулятор с женщиной-водителем». Кто знает, как выглядит эта жуткая машина? Никто? Так я скажу: четыре колеса, люлька с ребенком, ручка. «Perambulator» — это детская коляска (обычное сокращается в «gram», но в словаре есть! И женщина, ясно, не за рулем — просто катит колясочку... А как вы думаете, кто такой «гопстер»? Гопник-гангстер? Почти. Это — член республиканской партии... Бесперечь путаются слова «кремневый» и «кремниевый»: то покажут нам средневековый кремниевый пистолет — еще бы германиевую шпагу и селеновую аркебузу, все утеряны пришельцами; то, напротив, продемонстрируют кремнёвые транзисторы. Не иначе как вытесанные вручную лучшим мастером племени Серого Медведя, Уыхом. Еще одна распространеннейшая ошибка: вот диалог, речь идет о пропавшем ребенке. «Теперь нам его, думаю, уже не найти, — говорит один. — Живым...» — «Какой стыд!» — реагирует собеседник (между прочим, злодей). Вот именно — какой стыд для переводчика (и ведь сделавшего вполне удачный перевод, даже абсолютно правильно справившегося с неоднозначным заглавием книги — это был «Салимов Удел», где «удел» — это и название городка («владения, территория, поместье»), и «участь». А усеченное «Салим» (от «Иерусалим» — здесь: имя кабана) напоминает о городке Салем, знаменитом самым крупным в истории Америки процессом над ведьмами). Так вот, перевод очень недурен, и тем досаднее ошибка: «What a shame!» означает вовсе не «позор» и не «стыд», а «какая жалость!». А «cheese!» или «Say «cheese!»», часто встречающиеся в англоязычных книгах — это вовсе

не «сыр», а «улыбочка!» или «спокойно — снимаю!», в зависимости от контекста. Сыр тут ни при чем — просто при произнесении этого слова губы растягиваются в улыбку, потому что фотографы и просят произнести его. Общее место, как и случай с «публичным домом» или «стыдом». А вот поди ж ты, раз за разом переводчики наступают все на те же грабли...

Или, скажем, керосиновая проблема. То персонажи маются при свете масляной лампы на манер какого-нибудь Аладдина, потому что переводчик поленился слезть в словарь и узнать, что «oil lamp» — это и керосиновая лампа, а не только масляная плошка. То, выйдя из залетевшего в прошлое самолета на летное поле, герой замечает: странно, мол, что нет запаха газа (помните? «Если вы почувствовали запах газа, звоните 04»). Только человек, в жизни не бывавший на аэродроме, может не знать, что на летном поле пахнет не газом, а керосином, потому что керосин как раз и есть топливо для современных самолетов. Аналогичная история — с «песком», которым что-нибудь начищают или шлифуют: в большинстве случаев это вовсе не песок, а «шкурка», наждачная бумага. Или вот еще: человек звонит в гостиницу и бронирует номер, а затем сообщает: «Я приезжаю завтра. Номер моего американского экспреса такой-то». Мол, встречайте! Вагон бы еще указал. Это в каком же Урюпинске жить надо, чтобы не знать, что такое кредитная карточка «American Express»? Герой просто указал, как будет платить за номер. А вот некий гангстер говорит о провинившемся чем-то перед ним бедняге: «Отправьте его в Детройт» — и никаких пояснений при этом не дается, словно речь идет о высылке революционера в глухую Сибирь. А между тем Детройт, столица автомобильной промышленности Америки, отнюдь не Шушенское и не Тмутаракань. Это народная гангстерская забава — вроде более известных «цементных ботинок». Ненужный человек связывается и помещается в багажник автомобиля, который отправляется под пресс и на переплавку (не обязательно именно в Детройте) — и никаких следов! А вот еще «всадники на квадрупедах». Вполне фантастический зверь... Хотя автор-американец назвал его просто «четвероногим».

А уж если зайдет речь о религии... я говорил чуть выше о незнании переводчиками (я имею в виду горе-толмачей, решивших, что детективы, фантастику и прочую «несерьезную» литературу может переводить любой-всякий) Библии и прочей религиозной литературы. Вот и выплывает на страницы переводов Желязны некто с «лампами рта его». А это Левиафан был — «пламенники пасти его»... Кстати, в одном из переводов переводчик «пламенники» нашел. А наборщик превратил их — прости Господи! — в «племянников». Или возникает святой Джон-баптист. Конечно, фантастика — она на то и фантастика, там и св. Айзек (Азимов) бывает, и св. Альберт (Эйнштейн). Но когда герой клянется *головой* святого Джона-баптиста, то должен же если не переводчик, так редактор, а не редактор, так старенькая вахтерша баба Клава — кто-нибудь! — вспомнить, на худой конец, картину с усекновением главы Иоанна Крестителя!!! А вот герой — робот — по имени Ноах. И его товарищ Уззия. А также Джонас, Джоб и Джереми. Если вам когда встретится этот перевод — знайте: роботов назвали именами ветхозаветных пророков, и в русском переводе Писания и имена звучат: Ной, Осия, Иона, Иов и Иеремия. Или такой пустячок: сидят эти герои в монастырской келье: в разговоре — пауза, и стоит тишина, «только из розария доносилось шелканье соловья». Я видел оригинал: соловьев там не было. Только сухо шелкали в тишине четки. Четки по-английски — «rosary», а поскольку переводчик, как обычно, поленился посмотреть слово в словаре (выглядит-то знакомо!), он приплел к случаю соловья, здраво рассудив, что розарий сам по себе обычно не шелкает. И аналогичная история в другой книге — герои, собираясь на битву с нежитью, спрашивают священника, есть ли у него освященный розарий. Есть, ребяташки, есть, у него все освященное — и розарий, и малинник, и грядки со свеклой... А отгадайте-ка загадку: некто совершил убийство. «Что с ним сделали?» — осведомляется герой об убийце. И получает ответ: «С ним поступили по закону Мозаики».

Три попытки! «Мозаика — это планета», — предположил один из моих знакомых. Нет, не так. «Убийцу разрезали на кусочки», — кровожадно сказал другой. Опять нет! «Это какое-нибудь особенное устройство общества, типа коллективного разума?» — подумав, осторожно спро-

сил знаток фантастики. Увы! Mosaic law — это не что иное, как «моисеев закон». Следовательно, «око за око»... Эх, переводчики... бумаги на макулатуру!

Ну да Бог с ними, впрочем. Я, пожалуй, немного увлекся со своими обличениями. Хватит уж. Позвольте просто предложить Вашему вниманию прилагаемый к сему перевод замечательной книги хорошего писателя и выразить надежду, что Вы получите от этой книги удовольствие не меньшее, чем то, которое испытывают Ваши англоязычные коллеги.

К сему с уважением — Ваш верный переводчик.